

Мас. № 10251
№ 75

ЗАМѢТКИ ЧИТАТЕЛЯ.

VI.

„Имянины“ Ан. Чехова въ простомъ и переносномъ смыслѣ. — Сюрпризы „Русскаго Вѣстника“. — „Русская Старина“, какъ журналъ съ современнымъ интересомъ.

Безусловно симпатичный по своему таланту Ан. Чеховъ подарилъ насъ на дняхъ, именно — въ ноябрьскомъ номерѣ „Сѣвернаго Вѣстника“, новымъ рассказомъ, нѣсколько большихъ размѣровъ, чѣмъ его обычные маленькіе рассказы. Новое произведение молодого писателя озаглавлено „Имянины“. Я долженъ оговориться: говоря, что „Имянины“ г. Чехова нѣсколько большаго противъ обыкновеннаго размѣра, я, можетъ быть, и ошибаюсь; можетъ быть, правильнѣе было бы сказать, что этотъ рассказъ значительно большихъ размѣровъ, что это — повѣсть журнальнаго калибра. Дѣло въ томъ, что пока помѣщены главы I—V, но о продолженіи читателю ничего не сообщается, а самому ему трудно догадаться, конченъ ли рассказъ, или авторъ намѣренъ будетъ продолжать его. На меня лично „Имянины“ произвели впечатлѣніе цѣльнаго, оконченнаго рассказа, и потому я считаю себя вправѣ говорить о немъ.

„Имянины“ — картина слѣдующаго содержания. Молодая, недавно вышедшая замужъ барынька, живущая съ мужемъ своимъ въ имѣніи, переживаетъ за день имянины послѣдняго ряда нервныхъ и психическихъ перипетій, часто случающихся у беременныхъ женщинъ. Въ домѣ масса посторонняго народа, который раздражаетъ барыню, раздражаютъ ее и дамы, которымъ вообще нравится ея мужъ, раздражаетъ и самъ супругъ своей виѣшной живостью и неестественнымъ консерватизмомъ (сама барынька изъ нюхавшихъ высшіе курсы); ко всему этому прибавляется физическое утомленіе за день непривычной суетою — и, послѣ отъѣзда гостей, барыня расхворывается и выкидываетъ мертваго ребенка. Рассказъ на-

писанъ мастерски: ярко, тепло, художественно, просто и правдиво. Дамы, его читавшія, увѣряютъ даже, что онъ написанъ чрезвычайно, необыкновенно правдиво; конечно, имъ объ этомъ предметѣ судить удобнѣе, такъ какъ ужъ такъ природою устроено, что нашему брату ни мертвыхъ, ни живыхъ дѣтей рожать не дано. Превосходно отмѣченъ моментъ психическаго кризиса у больной женщины, когда у нея рождается желаніе примириться съ мужемъ, желаніе счастья и покоя — и наступающая затѣмъ реакція, вслѣдъ за неудачными родами. Отдѣльныя лица рассказа схвачены живо и вѣрно. Думаю только, что талантливый рассказъ Чехова ничего бы не потерялъ, если бы авторъ чуточку сократилъ его: слишкомъ ужъ онъ долго и утомительно подготавливаетъ читателя къ кризису, о которомъ я сейчасъ упомянулъ.

* *

Не могу не отмѣтить по поводу „Имянинъ“ и ноябрьской книжки „Сѣвернаго Вѣстника“ маленькой безтактности редакціи. Въ одномъ и томъ же номерѣ, — правда, въ разныхъ отдѣлахъ — встрѣчаемъ мы два раза фамилію Ан. Чехова: въ первомъ отдѣлѣ онъ помѣстилъ свои „Имянины“ (не примите это за каламбуръ), а во второмъ Д. Мережковскій помѣстилъ статью, посвященную Ан. Чехову — „Старый вопросъ по поводу новаго таланта“, въ которой много говорится хорошаго объ его послѣднихъ произведеніяхъ („Въ сумеркахъ“ и „Рассказы“).

Спору нѣтъ, Ан. Чеховъ прекрасный рассказчикъ и талантливый человекъ, Ан. Чеховъ художникъ, Ан. Чеховъ далъ много превосходныхъ страницъ въ своихъ рассказахъ и живыхъ типовъ — прекрасно дѣлаетъ г. Мережковскій, сознавая это, но... громко выхвалять своего товарища по перу, только что нѣсколькими страницами раньше помѣстившаго въ этомъ же самомъ журналѣ свою повѣсть, — удобно ли, г. Мережковскій? Думается мнѣ, что это, по меньшей мѣрѣ, храбро; впрочемъ, хра-

В. В. Кузнецовъ
Читатель
м. 1-3

бности у г. Мережковского вообще много, доказательства чему мы находимъ въ той-же самой книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“: въ ней г. Мережковский является сразу въ двухъ ам-плуа—и въ роли критика, и въ роли присяжнаго стихотворца. Въ роли критика г. Мережковский воспѣваетъ Ан. Чехова, а въ качествѣ стихотворца онъ воспѣваетъ „свѣтлый и звучій“... дождикъ, въ которомъ „смѣло ку-дальсь стрижи“... Такъ-же смѣло и самъ г. Мережковский кушается въ волѣ своей критики на рассказы Чехова. А вода этой критики такъ и бьетъ въ глаза нестрогой, все тутъ есть: Тургеневъ, Мопассанъ (котораго Мережковский называетъ почему-то Моппассаномъ), Гоффманъ, Ришпенъ, Копа, Бювиль, Эдгаръ Поэ, „архитектурная красота художественнаго плана“, „душа предмета“, Диккенсъ, Люциферъ, Достоевскій, Теккерей, Прометей, Стендаль, Байронъ, Лермонтовъ, Толстой, „звѣздная книга“, „яркость галлюцинацій“, наяды Полонскаго, Фетъ, Тютчевъ, Щедринъ, Свифтъ, Баръ, Викторъ Гюго, Некрасовъ, Анакреонъ, Ювеналь, Шекспиръ, Гомеръ, Горцій, Короленко, Шиллеръ... Словомъ, персидскій коверъ изъ литературныхъ именъ или краткій повторительный курсъ всеобщей литературы,— какъ хотите...

Самое, впрочемъ, забавное въ этой статьѣ не сама статья, а любовитное примѣчаніе, предпосылаемое ей редакціей. Примѣчаніе это заявляетъ, что ея остальные сотрудники не сходятъ въ своихъ мнѣніяхъ съ г. Мережковскимъ, но такъ какъ въ основныхъ своихъ принципахъ эти мнѣнія и въ очень расходятся, то вотъ-съ, пожалуйста, читатель, примите доказательство нашей милой безтактности...

Такимъ образомъ, милостивые госуда-ри мои, „Сѣверный Вѣстникъ“ въ ноябрѣ сугубо поступилъ странно. Впрочемъ, такіа странности нынѣ приняты: въ ноябрѣ-же „Русскій Вѣ-

Читатель.

< В. В. Кузьминъ)
поф. обзоръ № 2